

Леонид Люкс

Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения*

К излюбленным западным стереотипам относится тезис о так называемой рабской психологии, будто бы распространенной в России. Как известно, этим клише пользуются уже давно, в его распространении участвовали представители самых различных политических направлений. Достаточно вспомнить, с одной стороны, Маркса и Энгельса, а с другой – таких консервативных авторов, как Кюстин или Токвиль. Столь шаблонный образ России не учитывает, однако, явления, представляющего собой полную противоположность тому, что в западных кругах считается «типично русским»: речь идет о революционной интеллигенции. Вряд ли какая-нибудь другая общественная группа в новой европейской истории была в такой мере склонна к радикальному нонконформизму и бунту. В самом деле этой кучке людей удалось потрясти основы могущественной монархии и в значительной степени способствовать ее краху. И это несмотря на то, что революционная интеллигенция не имела никакого влияния на аппарат власти, не была сколько-нибудь укоренена в обществе и в буквальном смысле слова олицетворяла беспочвенность. О причинах решающего успеха интеллигенции ведутся страстные споры и в России, и на Западе. Но не меньшей загадкой остается и ее крушение через каких-нибудь десять лет после триумфа 1917 года.

Первая трещина - Декабристы и радикальные интеллигенты: первая трещина

Вслед за Георгием Федотовым и некоторыми другими русскими мыслителями мы можем рассматривать интеллигенцию как своего рода духовный орден¹. «Устав» этого ордена, хотя и неписаный, не уступал по своей строгости и жесткой регламентации уставу любого католического монашеского ордена. Вступле-

* Расширенная версия статьи, опубликованной в *Вопросах философии* (1991. № 11). Немецкая версия статьи была напечатана в журнале *Historische Zeitschrift* (1989. Vol. 249).

¹ См.: Федотов Г. Трагедия интеллигенции // его же. Новый Град: Сборник статей. Нью Йорк, 1952. С. 9-58. См. также: Изгоев А. Об интеллигентской молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 97-124, зд. с. 118; Франк С. Этика нигилизма // Там же. С. 175-210, зд. с. 204-205.

ние в «общество посвященных» было связано с множеством обязательств, ренегатство наказывалось общественной опалой.

Возникновение интеллигенции было результатом перелома в истории страны, который совершился за очень короткое время. Большинство историков согласно в том, что члены «ордена», контуры которого начали вырисовываться в тридцатых годах XIX века, принадлежали уже к совершенно другой духовной формации, нежели организаторы декабрьского восстания 1825 года. Декабристы отнюдь не избегали контактов с государством, это были люди, находившиеся на государственной службе, нередко занимавшие очень влиятельные посты. Они пытались воспользоваться государственным механизмом, прежде всего армией, для осуществления своей программы. Хотя они стремились установить новую форму правления – превратить самодержавие в конституционную монархию, – их образ действий (дворцовый переворот) восходил все-таки к XVIII столетию.

В отличие от декабристов, интеллигенция с порога отрицала государство как таковое². Слуги государства весьма редко оказывались в ее рядах. Этот антигосударственный радикализм был, конечно, связан с общими политическими условиями, которые сложились ко времени, когда на сцену вступила интеллигенция. Деспотический режим Николая I поверг страну в оцепенение. Все государственные или контролируемые государством учреждения подлежали мелочной бюрократической регламентации, и даже высшие государственные органы не были исключением³. Тот, кто хотел избежать этой опеки и сохранить свою самостоятельность, в принципе, не имел иного выхода, кроме ухода во внутреннюю эмиграцию. Так под внешне спокойной гладью вод зарождалось то, чему суждено было перевернуть всю страну. Эту трудноопределимую смену настроений среди части образованного слоя четко зарегистрировало уже в начале 40-х годов Третье отделение – политическая полиция. Но так как речь шла поначалу о чисто духовном процессе, трудно было предпринять против него конкретные репрессивные меры⁴.

Новое веяние, замеченное полицией, было само по себе свидетельством возникновения «неофициальной» русской общественности. Мало-помалу становилось ясно, что самодержавие, не знавшее институциональных ограничений власти, все же в огромной степени зависит от общественной поддержки, хуже всего

² См.: Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из Глубины: Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 289-306.

³ См.: Чичерин Б. Воспоминания Бориса Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929, С. 153-158; Нифонтов А. 1848 год в России: Очерки по истории 40-х годов. М., 1931; Riasanovsky N. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia 1801-1855. Oxford, 1976.

⁴ См.: Riasanovsky. Parting of Ways. P. 249-250; Berlin I. Russische Denker. Frankfurt am Main, 1981. P. 164-190; Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // Daedalus. 1972. Vol. 2. P. 117-149; Нифонтов. 1848 год; Анненков П. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 135-374; Герцен А. Былое и думы // его же. Сочинения. Т. 4-6. М., 1956-1957.

– не имеет шансов долго просуществовать при наличии все более углублявшейся трещины между властью и общественным мнением.

Сорок восьмой год на Западе.

Россия: отцы и дети. Царь-освободитель и «новые люди»

Тут интересно отметить, насколько отличалось, начиная примерно с середины XIX столетия, развитие России от западного пути, как велика была асинхронность общественно-политического развития обеих частей континента. После поражения революции 1848 года в западно-европейском обществе шел неуклонный процесс внутренней интеграции и консолидации. Опыт революционных событий показал противникам старого режима, что существующий порядок не поддается прямому разрушению снизу. В то же время часть консерваторов поняла, что общественно мнение – крайне важный аспект политической жизни, что длительное сопротивление идеям, захватившим общество, борьба против «духа» времени – бесперспективны. Наметился компромисс, который позволил существующей системе интегрировать прежних своих противников. Общим знаменателем стал национализм. Националистическая идеология отвлекла широкие слои населения от внутренних конфликтов⁵. О распространении националистического сознания среди мелкобуржуазных масс, мало отличавшихся по своему социальному статусу от пролетариата, израильский историк Яков Тальмон пишет, что им, этим массам, больше нравилось принадлежать к избранной нации, чем к ущемленному в своих интересах классу⁶. Но и рабочие партии, дольше всех сражавшиеся с поветрием национализма, как известно, в конце концов сдались и в 1914 году поплыли по течению. Включение рабочего класса в «национальный фронт» (к числу немногих исключений принадлежала Италия) создало важнейшие предпосылки для «войны народов» – Первой мировой войны.

Насколько иначе все выглядело в России! Европейские события 1848-49 гг. практически не затронули страну, а потому здесь не было и разочарования в революционных идеях. В то время как многие бывшие радикалы на Западе уповали – и чем дальше, тем больше – на спасительную национальную идею, на Востоке только теперь осознали значение революционного идеала. Любая критика революции воспринималась интеллигенцией как предательство. По словам философа Семена Франка, надо было обладать поистине необычайным гражданским мужеством, чтобы в дореволюционной России выступить за компромисс с правитель-

⁵ См.: Mosse G.L. Die Nationalisierung der Massen: Politische Symbolik und Massenbewegungen in Deutschland von den Napoleonischen Kriegen bis zum Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1976; Anderson M. The Ascendancy of Europe: Aspects of European History 1815-1914. L., 1971. P. 140-173; Namier L.B. Nationality and Liberty // idem. Avenues of History. L., 1952. P. 20-44.

⁶ Talmon J. The Unique and the Universal. L., 1965. P. 41-42.

ством⁷. И, безусловно, прав немецкий историк Теодор Шидер, когда он говорит, что западному обществу был принципиально чужд нравственно-политический ригоризм русской интеллигенции, ее несогласная поступиться ничем революционная вера⁸.

Заметим, что эта черта не была свойственна интеллигенции с самого начала. Сперва «орден» представлял собой лишь одно из ответвлений общеевропейского революционного движения. Известно, что романтическая идеализация революции была распространена среди образованных кругов на всем европейском континенте вплоть до 1848 года⁹. Своеобразие революционного развития России выявляется лишь после смены отцов-основателей «ордена» интеллигентами нового типа. Это произошло после воцарения Александра II: парадокс состоит в том, что радикализация интеллигенции совпала с правлением монарха, вошедшего в русскую историю под именем «царя-освободителя» и, собственно, вызвавшего своей реформаторской деятельностью подлинную революцию сверху. Этот перелом в истории «ордена» до сего времени ставит в тупик исследователей. Федотов сравнивал его даже с разрывом между поколениями в Западной Европе после Первой мировой войны¹⁰. Но тот разрыв был понятен. А вот духовный поворот русской интеллигенции после 1855 года кажется загадкой. Ведь он произошел в мирной атмосфере, на фоне либерализации сверху, притом достаточно последовательной, чтобы затронуть самые основы существующего порядка. И вот в этот момент интеллигенция переходит на жесткие и непримиримые позиции. Романтиков и идеалистов сороковых годов вытеснили «реалисты» и «нигилисты», не похожие на своих мечтательных предшественников.

Поведение отцов было более или менее логичным. Их реакция на политические события представляется адекватной. Эти люди сопротивлялись репрессивному николаевскому режиму, а реформы нового царя приветствовали с эйфорическим воодушевлением. Голоса протеста, которые раздавались в стане радикально настроенных детей, казались им досадным диссонансом. Эти голоса портили атмосферу национального примирения, установившуюся было с приходом к власти Александра II. Отцы призывали к умеренности, и даже такой бунтарь, как Михаил Бакунин, поначалу оказался в рядах этих миротворцев¹¹.

Разрыв двух поколений большинство историков пытается объяснить сословными или психологическими причинами. Об отцах говорится, что они происхо-

⁷ Франк С. Крушение кумиров Берлин, 1924. С. 15-16.

⁸ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert // idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit: Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1957. P. 11-57.

⁹ Namier L.B. 1848: The Revolution of the Intellectuals. L., 1950; Talmon J. Political Messianism: The Romantic Phase. L., 1960.

¹⁰ Федотов Г. Carmen Saeculare // Путь. 1928. № 12. С. 101-116.

¹¹ См.: Полонский В. Жизнь Бакунина 1814-1874. Ленинград, 1926.

дили по большей части из помещичьих семей. Их социальное положение было стабильным. Лишь очень редко приходилось этим людям терпеть нужду. Отсюда делается вывод, что уже в силу своего происхождения отцы не могли быть социально беспочвенными и идеологически непримиримыми, какими стали последующие поколения русской интеллигенции. Для отцов будто бы было естественным уважать традиционные формы общения и правила игры с противником, вопреки идеологическим расхождениям. Отказ от приличий, огрубление языка и ожесточение политического мышления историки объясняют тем, что в интеллигентский «орден» стали рекрутироваться выходцы из нижних слоев¹².

Мастерски описали новый тип интеллигента некоторые отцы, пережившие подлинный шок при появлении так называемых новых людей. Если верить Герцену, «новые люди» были чувствительны, как мимозы, малейшая критика казалась им оскорблением их достоинства. Но сами они что называется за словом в карман не лезли. Критикуя других, они становились совершенно беспощадными. Непомерное честолюбие сочеталось у них с оскорбленной позой, они обвиняли во всем общество, в котором не находили желаемого признания¹³.

С критикой непочтительных детей-«нигилистов» выступили Тургенев, Достоевский и другие представители «романтического» поколения интеллигенции. Их повергло в ужас не только поведение, но прежде всего мировоззрение этих последних, их яростный поход против идеалистической эстетики и философии, обращение к плоскому материализму и утилитаризму. Идеалисты видели в этом какое-то нашествие вандалов на русскую культуру¹⁴.

Правительство – пособник революции

Но попытки объяснить, эти перемены только тем, что в «орден» вторгались недворянские элементы (разночинцы), оставляют без ответа множество вопросов. Ведь выходцы из низов не были редкостью и среди отцов (наиболее известный пример – Белинский); с другой стороны, невоспитанные дети подчас происходили из почтенных и состоятельных семей, например, Писарев¹⁵.

Объяснительная модель, оперирующая только социальными критериями, неудовлетворительна и по другим причинам. Дело в, том, что она сосредоточена исключительно на российских делах и упускает из виду тот факт, что крушение романтизма и поворот к «реализму», к вере в науку, есть общеевропейский фе-

¹² См.: Nahirny V.C. *The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence*. New Brunswick, N.J., 1983; Malia M. *Was ist Intelligentsia // Russland vor der Revolution: Staat und Gesellschaft im Zarenreich* / Ed. R. Pipes. München, 1977. P.253-286; Бердяев Н. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955. С. 37.

¹³ Герцен. *Сочинения*. Т. 5. С. 604-607.

¹⁴ См.: Федотов. *Трагедия*.

¹⁵ Бердяев. *Истоки*. С. 44.

номен середины XIX века. И на Западе время интеллектуального, преобладания эстетов и идеалистов, увлеченных высокими философскими материями, уходило в прошлое. Но обращение к действительности означало здесь принятие неизбежно связанных с нею обстоятельств. Немало бывших революционеров 1848 года отказалось от идей, за которыми не стояло никаких материальных сил. Эти идеи превратились для них в химеры. Август Людвиг фон Рохау в книге *Основы реальной политики* (1853), сыгравшей существенную роль в эволюции политических идей того времени, писал, что только власть является силой, способной править, власть – первое условие счастья народов: нация, пренебрегшая властью, отжила свое¹⁶. Слова эти цитировались потом много раз¹⁷.

В России конец «идеализма» привел к совершенно другим результатам. Поворот к реализму приводил здесь не к признанию действительность со всеми ее приятными и неприятными сторонами, а к тому, что ей была объявлена непримиримая война. Не было здесь и отказа от политики, всецело основанной на идейных принципах. Наоборот, именно такая политика и восторжествовала, а нравственный ригоризм интеллигенции достиг беспрецедентного накала. Владимир Соловьев пародировал этот образ мысли с помощью иронического силлогизма, передающего кредо русской интеллигенции: «Человек произошел от обезьяны, следовательно, возлюбим друг друга»¹⁸.

То, что «реалисты» и материалисты 60-70 годов XIX века так «неразумно» реагировали на тогдашнюю русскую действительность, в российской публицистике не зря расценивалось как глубокая национальная трагедия. Немало требований, выдвинутых предшествующими поколениями противников самодержавия, выполнялись тогда одно за другим: освобождение крестьян, смягчение цензуры, судебная реформа, местное самоуправление (земство). Радикальная интеллигенция не придавала всему этому никакого значения. Она не собиралась участвовать в этой грандиозной реформаторской деятельности. Другими словами, она сама отстранила себя от практической работы, которая только и могла стать для нее школой политического мышления и действия¹⁹.

Борис Чичерин, один из самых выдающихся правоведов дореволюционной России, сторонник реформ Александра II, считал ригоризм интеллигенции признаком ее политической незрелости. Это означало, что русское общество все еще нуждается в политической опеке, и Чичерин предупреждал против преждевременного, как ему казалось, введения конституции в России²⁰. А ведь это был

¹⁶ v. Rochau A.L. Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1859. P. 59.

¹⁷ См.: Nipperdey Th. Grundprobleme der deutschen Parteigeschichte im 19. Jahrhundert // idem. Gesellschaft, Kultur, Theorie: Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte. Göttingen, 1976. P. 89-112, зд. P. 96.

¹⁸ Бердяев. Истоки. С. 19.

¹⁹ См.: Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt am Main, 1957. P. 140.

²⁰ Воспоминания Бориса Чичерина. С. 114; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. IX-X.

один из наиболее ярких русских либералов! Но так были настроены и некоторые сторонники обновления в самом правительственном аппарате, например, Николай Милютин, принадлежавший к самому радикальному их крылу. Они тоже хотели оградить дело реформ от общественного «безрассудства». Большинство из них было против участия общественных кругов в принятии политических решений на высшем уровне²¹. Самодержавие, заметно изменившееся при Александре II, было для них идеальным инструментом модернизации и прогресса. Кстати сказать, они защищали самодержавный строй не только от революционеров, но и от консервативно настроенного дворянства. Именно эти дворяне заигрывали с идеей конституции, чтобы создать противовес для части правительственного аппарата, склоняющейся к реформам²². Такой двойной фронт помог государственной бюрократии, не исключая самых просвещенных ее представителей, утвердиться в традиционном политическом кредо: только государство может быть инициатором политических действий, а общество – всего лишь объект отеческих забот правительства.

Консервативное дворянство, несмотря на некоторые оппозиционные настроения, примирилось с такой политикой. Могло ли оно порвать с самодержавием? Самодержавие защищало его от ненависти низов, где и после освобождения крестьян лелеяли мечту об экспроприации помещичьей собственности, о черном переделе. Высший слой, как это бывало и прежде в аналогичных ситуациях, готов был примириться со своим подчиненным положением, лишь бы не рисковать своими социальными привилегиями. Петр Струве, один из авторов известного сборника *Из глубины* (1918 г.), считал эту позицию дворянства даже одной из причин падения русской монархии: самодержавие, веками державшееся на политическом бесправии дворян и социальном бесправии крестьянства, прониклось, по мнению Струве, опасным чувством независимости от общества²³.

С этим можно только согласиться. Действительно, вплоть до середины XIX столетия самодержавие обладало исключительной свободой действий, а наиболее важные сословия в стране – дворяне и крестьяне – не подвергали сомнению (если не считать редких исключений, например, декабристов и некоторую часть казачества) автократический принцип как таковой. Лишь с появлением интеллигенции авторитет царя пошатнулся. Интеллигенция вступила в борьбу не просто с тем или иным правительственным курсом, но против самих основ системы, идеологических и политических. Русскую интеллигенцию можно отчасти сравнить с марксистски ориентированным рабочим движением на Западе во второй половине XIX века: оно тоже находилось в принципиальной оппозиции к буржуазному государству. Но если не придавать большого значения антисоциалистическим законам Бисмарка и подобным явлениям, западноевропейские рабочие мог-

²¹ См.: Костюшко И.И. Крестьянская реформа в Царстве Польском. М., 1962. С. 75.

²² Воспоминания Бориса Чичерина. С. 67.

²³ Струве. Исторический смысл русской революции.

ли все же действовать сравнительно свободно, и это, между прочим, весьма способствовало смягчению их настроений. Решительный протест в этих условиях терял привлекательность. Подобное сглаживание политических и социальных конфликтов для русской монархии оставалось невозможным. Она предоставляла обществу лишь решение неполитических задач и отказывала оппозиции в праве на легальное существование. Правда, после 1855 года правительство значительно ослабило привычную систему контроля над населением. Открылось довольно широкое поле деятельности для нонконформистских сил. В прессе, особенно в журнале *Современник*, под видом литературной критики подчас необычно резко критиковался существующий порядок; суды присяжных на политических процессах порой выносили на удивление мягкие приговоры, к ужасу и возмущению консервативных кругов; студенчество эволюционировало влево и в конце концов вышло из-под опеки властей. Якобы «неполитические» организации и нейтральные учреждения превращались в очаги сопротивления абсолютистским притязаниям самодержавной власти, причем правительство, привыкшее к бюрократической регламентации в сфере политики, реагировало на это довольно беспомощно. Не зря Борис Чичерин жаловался на непоследовательность правительства. С одной стороны, оно почти ничего не предпринимало против анархизма студентов, а с другой – по-прежнему было склонно к мелочному вмешательству в общественные процессы, в которых оно совершенно не разбиралось²⁴.

Так власть, не терпевшая никакой политической оппозиции, невольно поощряла общественный радикализм, не склонный покорствоваться каким бы то ни было институциональным ограничениям.

Последствия. Социализм как новое христианство

В этом смысле ситуация детей была куда благоприятней, чем у их предшественников. Тогда, в николаевскую эпоху, оппозицию представляли немногие изолированные кружки или небольшие группы, не располагавшие ни общей трибуной для выражения своих взглядов, ни каналами связи для осуществления каких бы то ни было общественных акций. Возмущение социальной несправедливостью и деспотизмом не могло вылиться в открытый протест. Расплачиваться за стратегию вытеснения общественного мнения, принятую Николаем I, пришлось его либеральному сыну. Ибо «нигилизм» 60-х годов и террористическое безумие 70-х – не что иное, как запоздалая реакция на засилье крепостнического режима: отказ от этого режима, по мнению многих, состоялся слишком поздно, когда уже почти невозможно было преодолеть вражду между правительством и оппозицией – равно как и отчуждение между помещиками и крестьянами.

²⁴ Воспоминания Бориса Чичерина. С. 14-16, 20-22, 29-31.

Таким образом, невзирая на оттепель, несмотря на эйфорию национального примирения в начале царствования Александра II, страна все больше съезжала к конфронтации. Проповедники терпимости и компромисса оказались в изоляции. Новый либеральный курс должен был опираться на социального носителя, но найти его было очень трудно. В России не было или почти не было среднего сословия – главной опоры политического свободомыслия на Западе. Буржуазия, «торгаши» – никогда не пользовались здесь высоким общественным престижем. В обществе не могли проявить себя в полной мере и, так сказать, себя окупить такие буржуазные качества, как благоразумие, деловитость и т.п. Характерное для буржуазной эпохи отрезвляющее «расколдовывание мира» (Макс Вебер), секуляризация общества в конце концов распространились и на царскую Россию, но с опозданием, и вдобавок были связаны отнюдь не со скептическим рационализмом и сомнением в непререкаемости абсолютных истин. Хотя интеллигенция утратила всякую связь с православной церковью, мышление интеллигентов не смогло освободиться от определенной религиозной окраски²⁵. Их фанатическая преданность революционным идеалам сильно напоминала страстную веру предков в чистоту православия, ту веру, во имя которой некогда самосжигались русские старообрядцы. Секуляризация в России происходила не постепенно, а скачками. Каждый новый социальный слой, захваченный этим процессом, переживал его как потрясение всех основ. Сочетание нового и старого давало смесь исключительной взрывчатой силы.

Достоевский, сам принадлежавший раньше к «ордену», но ставший его судьей и обличителем, писал о социализме, что он лишь на поверхности выглядит общественно-политическим учением: куда важнее его политических притязаний стремление социализма стать альтернативой христианству. Эта характеристика претендовала на универсальность, но описывала скорее положение вещей в России, чем на Западе.

Революция без лидера: обер-прокурор Победоносцев

Тем не менее религиозный характер мышления интеллигентов был произвольным и неосознанным, ведь задача состояла в полном разрыве с традицией: интеллигенция выступила как разрушительница всех святынь. Единственное, что уцелело в этом всеобщем процессе разрушения и оставалось предметом пламенных восхвалений, был простой русский народ. Народ, олицетворение мудрости и добра. Все понятия, все культурные начинания, недоступные пониманию низших слоев, были отброшены как ненужные и недозволенные. Как замечает Николай

²⁵ См.: Федотов. Трагедия. С. 42-44; его же. Революция идет // Современные записки. 1929. № 39. С. 306-359; Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. С. 23-69; Франк. Этика нигилизма; Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth-Century Russia. Chicago, 1983. P. 472-473.

Бердяев, занятие философией в России долгое время считалось «почти безнравственным», тех, кто углублялся в абстрактные проблемы, автоматически подзревали в равнодушии к народным бедам²⁶.

Но при всей своей самоотверженности, готовности следовать до конца идеалам равенства, при всем народолюбии, интеллигенция не могла отменить тот прискорбный факт, что в действительности она принадлежала к образованному и, следовательно, привилегированному слою. Для крестьян интеллигент, как и помещик, был представителем ненавистного европеизированного слоя господ: и язык, и мировоззрение этого слоя были им непонятны²⁷. Хотя аграрный вопрос был самым жгучим и насущным вопросом, крестьянство не проявляло желания препоручить интеллигенции руководство в борьбе за его интересы. Об этом свидетельствует хорошо известная судьба народников, юношей и девушек, которые в 70-х годах «пошли в народ», чтобы открыть ему глаза. Крестьяне не слушали агитаторов, а то и просто выдавали их полиции. Этот провал и ощущение беспомощности, несомненно, были одной из важнейших причин радикализации народников, перехода к революционному террору. Общество нужно было «разбудить». Но и самые сенсационные покушения не сумели встряхнуть эксплуатируемые массы.

Тут можно вспомнить интересное наблюдение Петра Струве: в XVII–XVIII веках во всех народных выступлениях против господ верховодили казаки – социально самая беспокойная и вместе с тем опытная в военном отношении часть населения. Но после разгрома пугачевского восстания 1773–75 гг. монархия догадалась предоставить казакам значительные социальные привилегии, сумела привязать их к себе и, так сказать, «огосударствить». В результате, заключает Струве, крестьянство осталось без «актива» в своей глухой борьбе против угнетения²⁸.

Вопреки всем усилиям, интеллигенция не была в состоянии занять вакантное место лидера. Застарелый политический консерватизм крестьянства препятствовал объединению обеих мятежно настроенных социальных групп. Консервативные силы наверху стремились увековечить этот разрыв. Им было ясно, что от того, кто победит в борьбе за душу народа, зависит судьба страны. На интеллигенции они уже и так поставили крест. Но нужно было любой ценой помешать тому, чтобы низы пошли за образованной элитой. Консерваторы считали жизненно важным для государства предохранить от коррозии мир допетровских представлений, в котором жили народные массы²⁹. Здесь, конечно, нельзя не

²⁶ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. С. 2; его же. Духи русской революции // Из Глубины. С. 71–106; Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи. С. 70–96; Федотов. Трагедия. С. 29, 38–45. Франк. Крушение.

²⁷ Гершензон. Творческое самосознание; Venturi. Roots. P. 505.

²⁸ Струве П. Интеллигенция и революция // Вехи. С. 156–174.

²⁹ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1980. С. 410–424; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х и начала 90-х го-

упомянуть Константина Победоносцева, юриста и государствоведа, влиятельного советника двух последних императоров, в 1880-1905 годах занимавшего пост обер-прокурора Святейшего правительствующего синода – высшего правительственного органа Русской православной церкви.

Победоносцев был убежден, что русский народ сохраняет абсолютную верность царю – эта верность по сути и есть самая надежная опора самодержавия³⁰. Народ знать не знает о конституции, она ему и не нужна, он даже не помышляет о каком-либо ограничении самодержавия. Либеральные уступки обществу совершенно излишни. В них заинтересовано лишь ничтожное меньшинство русского населения³¹. Нужно, следовательно, чтобы традиционное мироощущение нижних слоев выдержало напор зловредной современности. Победоносцев всеми силами старался оградить народ и общество от новейших веяний, прежде всего, конечно, от идей, шедших с Запада. Этой цели служила среди прочего выдвинутая им программа народного образования. Оберпрокурор Синода был невысокого мнения об абстрактных науках, которые только сбивают с толку простого человека и увеличивают недовольство одиночек своим положением в обществе. Образование должно ограничиваться конкретными знаниями и практическими навыками³². Осуществляя свой идеал народного образования, Победоносцев энергично расширял сеть церковно-приходских школ.

Но в конце концов оказалось, что низшие слои общества, которые этот идеолог последовательного консерватизма считал главной опорой трона, как раз и представляли собой самую страшную угрозу для государственного строя. На грани веков, с пятидесятилетним опозданием, народные массы включились в процесс, начатый интеллигенцией. Теперь борьба оппозиции и автократии могла решиться только в пользу оппозиции³³. Отмена крепостного права принесла свои плоды. Целое поколение крестьян выросло в новой, более свободной атмосфере. Эти дети крепостных уже не так легко подчинялись опеке, как поколение их отцов. А программа консерваторов осталась прежней и все так же исходила из предпосылки социальной незрелости низов.

дов). М., 1970; Byrnes R. F. Pobedonoscev: His Life and Thought. Bloomington, 1968; Leontovitsch. Geschichte des Liberalismus; Rogger H. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. L., N.Y., 1983. P. 8.

³⁰ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 2. С. 335; Витте С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 296.

³¹ Письма Победоносцева к Александру III.

³² Победоносцев К. Московский сборник. М., 1896. С. 67-75, 149-151, 182-184; Флоровский. Пути. С. 412.

³³ См.: Федотов. Трагедия; его же. Революция идет.

Витте: одиночество монарха

Провал концепции Победоносцева был вызван еще и тем, что далеко не все силы в правительственных кругах поддерживали обер-прокурора в его стремлении подморозить Россию. Более того, у Победоносцева были могущественные противники, которые надеялись устранить революционную опасность другими, в сущности, противоположными средствами. Таким был граф Сергей Витте, крупный государственный деятель, в 1892-1903 гг. министр финансов, затем председатель Совета министров. Витте, в отличие от Победоносцева, не боялся будущего. Он считал Россию страной неисчерпаемых возможностей, которая, однако, нуждается в коренной модернизации. Только так она сумеет сохранить статус великой державы и решить свои насущные социальные проблемы³⁴. В частности, совершенно иными были представления Витте о народном образовании. Модернизация страны, по его мнению, требовала просвещенных и динамичных подданных, а не косных приверженцев традиционного мировоззрения. Эгоизм независимой личности, столь беспокоивший Победоносцева, стремление личности реализовать себя Витте вообще считал движущей силой всякого прогресса. Без личных амбиций граждан нельзя объяснить культурные и экономические достижения Западной Европы. Чуть ли не главную причину отсталости России Витте видел в недостаточном развитии личной инициативы³⁵.

Наконец, самое резкое неприятие вызывал у Витте изоляционизм, проповедуемый Победоносцевым как залог сохранения особенного характера России³⁶. Для Витте, как и для других сторонников модернизации страны, от Петра I до Ленина, «особенность России» состояла исключительно в ее отсталости. Преодолев свое отставание, страна ничем не будет отличаться от других европейских государств.

В этой концепции было, однако, слабое место: Витте не мог получить поддержки ни у какого сколько-нибудь значительного социального слоя. Рабочие, численность которых стремительно возросла в результате реформ Витте, довольно скоро превратились в наиболее воинственных противников режима. Крестьянам программа индустриализации была непонятна и чужда. Их интересовало не абстрактное величие России, а вопрос о земле. Развитие промышленности, по крайней мере на первых порах, как будто ничего не обещало в смысле решения аграрного вопроса – напротив, предполагалось, что на какое-то время земледельцу придется еще хуже. Ведь без высоких налогов невозможно было

³⁴ Витте. Воспоминания. Т. 3. С. 272-273; v. Laue Th. Sergei Witte and the Industrialisation of Russia. Columbia, 1963. P. 34; Geyer D. Die Russische Revolution: Historische Probleme und Perspektiven. Göttingen, 1977. P. 23.

³⁵ Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 441-443, 467-472.

³⁶ Витте. Воспоминания. Т. 1. С. 467-472; его же. Самодержавие и земство. Санкт-Петербург, 1908. С. 16, 194.

осуществить программу индустриализации³⁷. Министру финансов не удалось привлечь на свою сторону и либеральные группировки. Камнем преткновения стал тезис о неограниченной царской власти. При всем своем прогрессизме Витте все же считал самодержавие наиболее подходящим строем для быстрого переустройства страны, ибо в распоряжении монарха находился мощный административный аппарат, не подлежащий контролю со стороны парламента. Парламентские дебаты Витте считал лишь тормозом для реформ³⁸.

На самом деле самодержавный режим в России к началу века был таков, что ни о какой роли демиурга в процессе модернизаций страны не могло быть и речи. Вместо того, чтобы преодолеть внутренние противоречия в стране, политический курс Витте лишь обострил их. Таким образом, в России одновременно ужесточились три конфликта, в большой мере уже разрешенных на Западе: это был конституционный, рабочий и аграрный вопрос. Самодержавие лишилось социальных корней, и пустота, окружившая двор, драматически обнаружила себя во время Русско-японской войны. Общество без особой горечи восприняло поражение царской армии, кое-кто в лагере левой интеллигенции даже бурно его приветствовал. Ленин заявил, что поражение нанесено не русскому народу, а его злейшему врагу – царскому правительству. Нужно сказать, что столь крайняя пораженческая позиция была не такой уж редкостью в лагере оппозиционных сил³⁹.

Оказавшись в изоляции, двор был вынужден искать компромисс с обществом. Манифест 17 октября 1905 года обещал России основные гражданские права и предусматривал созыв Государственной Думы. Наступил конец неограниченной монархии.

Новые веяния: реабилитация духа

Отныне интеллигенция уже не висела в пустоте – революция Пятого года это наглядно показала. Осуществилась давняя мечта интеллигентов объединиться с народом. «Внизу» почитание царя мало-помалу сменилось безоглядной верой в революцию⁴⁰. Но этот успех странным образом не вызвал безоговорочного одоб-

³⁷ Laue. Witte. P. 101-102, 170-171, 22; Thalheim K. Die wirtschaftliche Entwicklung Russlands // Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik-Gesellschaft-Kultur 1894-1917 / Ed. G. Katkov, N. Poppe, G. v. Rauch. Freiburg, 1970. P. 101.

³⁸ Laue. Witte. P. 161-162, 305; Витте. Самодержавие. С. 44-45, 203-211; Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 24-26; Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Нью Йорк, 1955. Т. 1. С. 241-242.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. М., 1958-1965; Плеханов Г.Б. Сочинения. М., 1924-1928. Т. 13. С. 215. Т. 9.

⁴⁰ См.: Булгаков С. Два Града: Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 159-163; Струве. Исторический смысл русской революции; Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905-1944. Cambridge Mass., 1980. P. 77; Geyer. Die Russische Revolution. P. 30.

рения у членов «ордена», так как часть интеллигенции к этому времени успела сменить вехи.

На рубеже столетия в русских образованных кругах, как, впрочем, и на Западе, распространились веяния «конца века». Возникло скептическое отношение к позитивистским моделям мира, к вере в прогресс. Необычайно возросло влияние ведущих критиков идеи прогресса Достоевского и Ницше⁴¹. В итоге среди образованных кругов наметилась своего рода деполитизация. Начинался знаменитый Серебряный век. Взоры многих интеллигентов обратились к духовным и эстетическим проблемам, эти люди покидали «орден»⁴². Поворот отчетливо обозначился в сборнике 1902 года *Проблемы идеализма*, в котором участвовали многие бывшие марксисты: Петр Струве, Семен Франк, Николай Бердяев, Сергей Булгаков. Еще резче эти авторы разделились с прежними идеалами в другом широко известном сборнике *Вехи* (1909 г.). Идеология «ордена» с ее традиционным манихейским делением мира на абсолютное зло и абсолютное добро (самодержавие и народ) была расценена не более и не менее как род коллективного психоза. Раздались призывы к компромиссу и терпимости, к смирению и признанию, что достигнуть земного рая, да еще с помощью революционного насилия, невозможно.

Вопреки предостережениям защитников неограниченной самодержавной власти, качественные изменения системы после революции 1905 года отнюдь не сокрушили монархию. Созыв Думы предоставил оппозиционным лидерам открытую общественную трибуну: вчерашние противники системы, прежде всего либералы, склонялись к примирению с установившимся порядком.

Что же касается широких народных масс, то на их настроения эта смена тенденций никак не повлияла. В результате неустанной просветительской деятельности интеллигенции массы пришли в движение и остановить их, взывая к умеренности, было уже невозможно. Да и сам «орден», вопреки новым веяниям, все еще не мог пожаловаться на недостаток борцов, как ветеранов, так и новых «послушников». Одновременно с *Проблемами идеализма* появилась другая работа, оказавшая решающее влияние на все позднейшее развитие России – *Что делать?* Ленина. Здесь впервые шла речь об организации профессиональных революционеров с целью «перевернуть Россию»⁴³. Эта зловещая и пророческая фор-

⁴¹ См.: Франк С. Ницше и этика любви к дальнему // *Проблемы идеализма*. Сборник статей. М., 1902. С. 137-197; Бердяев Н. Этическая проблема в свете философского идеализма // там же. С. 91-136; Франк С. Биография П.Б. Струве. Нью Йорк, 1956. С. 28-29; Lane A.N. Nietzsche in Russian Thought. Ph. D. Thesis. Ann Arbor, Mich., 1976.

⁴² Pipes. Struve. P. 66-114; Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder, 1901-1917. Wiesbaden/Berlin, 1973; Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism 1917-1922. N.Y., Oxford, 1983. P. 131; Милюков. Воспоминания. Т. 1. С. 256; Гершензон. Творческое самосознание. С. 92-94; Маковский С. На парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью Йорк, 1956. Т. 1. С. 195-196.

⁴³ Ленин. ПСС. Т. 6. С. 127.

мулировка, в сущности, совпала с настроением российских низов. Маленькая и ослабленная внутренними раздорами партия большевиков превратилась в грозную силу.

Большевики, их противники и народ

В стане русской интеллигенции большевики стояли особняком. В своих теоретических воззрениях они сохраняли верность позитивизму и историческому оптимизму XIX века, свойственному большинству прежних поколений интеллигенции. Новые философские, научные и общекультурные течения, потрясшие на рубеже веков веру в незыблемость материальных основ мира, находили, правда, отклик у некоторых членов партии, но не у ее лидера. В 1904 году, в разговоре с Николаем Валентиновым, Ленин даже заявил, что поправлять Маркса непозволительно. Он рассматривал Российскую социал-демократическую рабочую партию не как семинар для обсуждения идей, а как боевую организацию⁴⁴. Наивный материализм Ленина и его сторонников многим современникам казался устаревшим. Но это не мешало растущему успеху партии. Более того, именно благодаря известной простоте своего мировоззрения партия большевиков приблизилась к психологии народных масс, которых только теперь вплотную коснулся процесс секуляризации: деятели религиозно-философского возрождения или адепты утонченного эстетизма вообще не имели никакого общего языка с народом⁴⁵.

В политическом смысле большевики тоже составляли особый отряд. В 1914-17 годах, как, впрочем, и во время Русско-японской войны, они оставались пораженцами, в то время как большинство оппозиционных групп в России выступило на защиту отечества. Но и политическая обособленность большевиков опять-таки послужила не ослаблению, а усилению партии – особенно после Февральской революции, – так как миллионы рабочих и крестьян относились к войне отрицательно и не разделяли национальный энтузиазм, охвативший верхние слои общества⁴⁶.

Казалось, эксцентричность Ленина достигла предела в апреле 1917 года, когда он призвал заменить только что созданное Временное правительство Советами

⁴⁴ Валентинов Н. (Вольский). Встречи с Лениным. Нью Йорк, 1979. С. 252-254. См. также: Бердяев. Истоки. С. 96-97; Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 33. С. 347-348; Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus. Stuttgart, 1985. P. 198.

⁴⁵ Федотов. Революция идет; Блок А. Народ и интеллигенция // его же. Собрание сочинений. М., 1962. С. 318-328.

⁴⁶ Миллюков П. Россия на переломе. Париж 1927. Т. 1. С. 11-28; Федотов. Революция идет; его же. Проблемы будущей России // Современные записки. 1930. № 43. С. 406-437; Suchanow N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967.

рабочих и солдатских депутатов⁴⁷. Этот лозунг ошарашил не только политических противников, но и очень многих большевиков. Говорилось о том, что, проведя много лет в эмиграции, Ленин утратил чувство реальности⁴⁸. Каких-нибудь полгода спустя этот экстравагантный вождь уже находился у власти и возглавил процесс, которому суждено было переломить всю русскую (да и не только русскую) историю. Произошло это не в последнюю очередь оттого, что радикализм Ленина в борьбе со старым порядком, по крайней мере в той форме, в какую Ленин облек свои призывы в 1917 году, полностью отвечал чаяниям большинства простых людей. Позднее, объясняя причину победы большевиков, Троцкий говорил о том, что против восстания были «все», кроме большевиков; но большевики, добавлял Троцкий, – это и был народ⁴⁹.

Будучи одним из ведущих актеров октябрьской драмы, Троцкий здесь явно преувеличивал. Однако в его словах есть зерно истины; примерно то же говорили и некоторые противники большевизма. Федор Степун писал, например, что Ленин был открыт «всем бурям революции» и эта открытость совпала с инстинктивными устремлениями народных масс⁵⁰. Летописец русской революции Николай Суханов тоже считал, что если кто и обладал хоть каким-то влиянием на радикально настроенные народные массы, то это были большевики⁵¹. Приверженцам Ленина удалось внушить большей части населения, что борьба против большевиков – это борьба против революции. Отождествление большевизма и революции, несомненно, стало (особенно с осени 1917 года) важнейшей причиной того, что партия, изолированная внутри интеллигенции, с такой легкостью пришла к власти⁵².

Изменились ли отношения между большевиками и народом после переворота? На первый взгляд – да. В годы Гражданской войны большинство населения отвернулось от большевиков, сражалось с ними или сопротивлялось им пассивно⁵³. То, что партия в этих условиях выжила, кажется почти чудом. И тем не менее, если бы большевики действительно полностью потеряли (как это часто утверждают) связь с народными массами, партия не сумела бы удержаться в седле. Верно, конечно, что большинство народа отвергало государственный террор,

⁴⁷ Ленин. ПСС. Т. 31. С. 103-118.

⁴⁸ См.: Suchanov. Tagebuch. P. 295; Abramovitsch R. Die Sowjetrevolution. Hannover, 1963. P. 46.

⁴⁹ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt am Main, 1973. Vol. 3. С. 842.

⁵⁰ Степун. Сбывшееся. Т. 2. С. 104.

⁵¹ Suchanov. 1917. P. 418.

⁵² См.: Suchanov. 1917. P. 577-692; Trotzki. Geschichte. Vol. 3. P. 858-978; Ferro M. The Bolshevik Revolution: A Social History of the Russian Revolution. L., 1985. P. 224-267; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution 1917-1932. Oxford, 1985. P. 54-60; Service R. The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change 1917-1923. L., 1979. P. 37-62. Милуков. Россия. Т. 1.

⁵³ См.: Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922. L., 1955; Carr E.H. A History of Soviet Russia: The Bolshevik Revolution 1917-1923. L., 1966. Vol. 2. P. 151-268; Broido V. Lenin and the Mensheviks: The Persecution of Socialists under Bolshevism. Worcester 1987, P. 63-65; Mawdsley E. The Russian Civil War. L., 1987.

установленный во время Гражданской войны. Однако новая диктатура сумела извлечь определенную выгоду из настроений большинства. Ибо разочарование в большевиках вовсе не означало развенчания революционного мифа. Ненависть к старому режиму, ко всем его институтам по-прежнему владела народными низами. Никакая политическая группировка, сочувствующая порядкам, какие существовали в стране до февраля (и даже до октября) 1917 года, не имела шансов на успех в стране, опьяненной мифом революции⁵⁴. Поэтому Белые армии – самый решительный и наилучшим образом организованный враг большевиков – были с самого начала обречены на поражение.

Но как обстояло дело с партиями, которые, подобно большевикам, выступали за революцию? Что можно сказать о социалистах-революционерах (с.-р.), защищавших интересы крестьян и собравших подавляющее большинство голосов на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года? О меньшевиках, у которых было много приверженцев среди промышленного пролетариата?⁵⁵ Только то, что этим партиям явно не хватало решительности. Не оказав практически никакого сопротивления перевороту 7 ноября 1917 года и разгрому Учредительного собрания двумя месяцами позже, эти партии морально разоружили тех, кто их поддерживал⁵⁶. Заметим, что утрата веры в идеального царя не заставила народные массы отказаться от вековых представлений о стиле государственного руководства. Власть, по этим представлениям, должна была быть сильной, независимой и безраздельной. Не потому ли Временное правительство, не обладавшее этими качествами, не внушило народу почтение к себе? И эсеры, и меньшевики, которым в кризисных ситуациях всегда не хватало энергии и решительности, увы, тоже не отвечали этому стародавнему идеалу правления. Насколько иначе вели себя большевики! Они были жестокими и вероломными, они находили возможным попросту не считаться ни с «буржуазной», ни с советской законностью. Вот уж кого нельзя было упрекнуть в нерешительности. Так возникла парадоксальная ситуация, которую эмигрантский автор Петр Сувчинский описывал следующим образом: после свержения царя в мировоззрении народа возник вакуум, заполнить который Временное правительство было не в состоянии. И тогда совершенно неожиданно (как думает Сувчинский) значительная часть народа обрела идеал правителя и законного преемника старой обанкротившейся власти – в лице большевиков⁵⁷.

⁵⁴ Schapiro. *The Origin*. P. 348-350; Abramovitsch. *Die Sowjetrevolution*. P. 179-181; Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 79-95.

⁵⁵ Broido. *Lenin*. P. 80-81; *The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War* / Ed. L.H. Haimson. Chicago, L., 1974. P. 96-98, 116-118; Brovkin V. *The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918* // *The Russian Review*. 1983. Vol. 42. P. 1-50.

⁵⁶ См.: Чернов В. *Перед бурей: Воспоминания*. Нью Йорк, 1953. С. 356-366; Вишняк М. *Дань прошлому*. Нью Йорк, 1954. С. 353-381.

⁵⁷ Сувчинский П. *К познанию современности* // *Евразийский временник*. 1927. № 5. С. 7-27, зд. с. 10-12.

Vae victoribus – горе победителям: финал

Царская власть, с которой интеллигенция так страстно боролась с самого своего возникновения, казалась ей вместе с тем и настолько всемогущей, что она не рассчитывала на скорое крушение самодержавия и возможность взять власть в свои руки. Практика и технология власти совершенно не занимали интеллигенцию, она отождествляла себя с жертвами. По-иному обстояло дело с большевиками. Семнадцатый год и последующие события показали, что большевики были, в сущности, исключением внутри «ордена». Только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия⁵⁸. Вот почему они добились самого большого успеха среди всех групп интеллигенции и превратили «орден» (или хотя бы часть его) из кучки беспочвенных мечтателей в господствующий слой гигантской империи. Но уже через десять лет после своего триумфа «орден» лишился власти, а еще через десять лет большая его часть была физически уничтожена.

В борьбе Сталина со старыми большевиками парадоксальным образом нашел свое завершение бунт народных масс против петербургской России, бунт, начавшийся на грани веков. Ибо старая «ленинская гвардия», где сохранялись нравы и традиции дореволюционной интеллигенции, была не чем иным, как детищем старой России – и ее пережитком. Хотя «орден» сражался с самодержавным государством, он в то же время был органически связан с ним и с его культурой. Он составлял, пожалуй, самую европеизированную часть верхних слоев общества, ориентированных на Запад. Оттого и мышление, и образ действий «ордена» оставались чуждыми и подозрительными для народных масс, несмотря на процесс идеологического сближения. Космополитизм интеллигенции выглядел чем-то слишком уж элитарным в глазах народа, да и в глазах нового поколения большевиков – людей, которые, как правило, вышли из крестьян и пролетариев. Низы, выброшенные на поверхность общества революцией, значительно способствовали изменению политической культуры в стране: эта культура приобретала все более традиционный облик⁵⁹. Она сохраняла даже некоторые допетровские, патриархально-коллективистские элементы. А большевики первого призыва с их выраженным индивидуализмом и критицизмом, страстью к спорам, склонностью к идейной и фракционной борьбе нарушали стиль этого древне-нового мышления⁶⁰. По сути дела, здесь столкнулись две эпохи. В этом, как нам кажется, надо искать одну из главных причин, почему Сталину удалось сравнительно легко победить подавляющее большинство ленинских соратников.

⁵⁸ См.: Бердяев. Истоки. С. 95.

⁵⁹ См.: Федотов Г. Русский человек // его же. Новый Град. С. 59-88; его же. Проблемы; его же. Трагедия; Бердяев Н. Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924.

⁶⁰ Tucker R.C. Stalin as Revolutionary 1879-1929: A Study in History and Personality. N.Y., 1973; Trotzki L. Mein Leben: Versuch einer Autobiographie. Berlin, 1961.

Десять лет спустя многих старых большевиков, лишенных влияния и власти, ожидало физическое уничтожение. Гордые победители Семнадцатого года разделили судьбу прочих отрядов интеллигентского «ордена» – почти всех, кто вовремя не эмигрировал. Так закончилась столетняя история русской революционной интеллигенции. В 1936-38 годах погибло большинство ее последних представителей. Каким издевательством звучали заявления официальной пропаганды, по-прежнему славившей революционеров, в то время как сталинский режим безжалостно искоренял всякое инакомыслие и всякий дух бунтарства – главные, определяющие черты «ордена».

Почему же диктатор не отказался окончательно от наследия революционной интеллигенции? Потому что советское государство, несмотря на то, что оно истребило многих своих основателей, по-прежнему черпало свою легитимацию в событиях 1917 года. Отказ от революции был бы равносителен *самоотречению*.

Учрежденный сверху культ революционной интеллигенции способствовал не распространению, а как раз дискредитации ее идей. Многим казалось, что в диссидентском движении шестидесятых годов возродились некоторые характерные черты «ордена»: нонконформистское поведение, нравственный накал, ригоризм, непримиримость ко всем формам гражданского и политического угнетения. Однако многие диссиденты сознательно отмежевались от своих предполагаемых предков, решительно отбросив их идеологию. Они, например, были решительно против народопоклонства и против революционного насилия. Семнадцатый год для большинства из них был не началом новой эпохи, а величайшей катастрофой отечественной истории. При этом революционную интеллигенцию они считали чуть ли не главным виновником этой катастрофы. Вот почему вопрос о включении ее представителей в галерею предшественников диссидентства казался весьма спорным. По существу, «орден», возникновение и гибель которого связаны с глубочайшими катаклизмами русской истории, остался без наследников.